

Тень неясити, серый цвет,
беспредметный и долгий поиск.
В рамках – тесно. Без рамок нет
дна небесного...

Городское начинает с утра отсчёт,
дребезжащий трамвайный голос.
Что-то древнее извлечёт
нож, вспоров голубую полость.

Хлынет горлом вода, как кровь,
шар земной орошая плоский.
Там, где гонит с полей коров
Авель прутиком из берёзки.

2

Впору сесть, и медленной рукой
небеса за облако сдвигая,
скрипку возложить на аналой.

Листьев позолоченную стаю
бросить, словно кто-то невпопад
слово произносит – год от года.

Скоро на подходе снегопад,
передел воинствующих лодок.

Слышишь, как последний менестрель
голосом почти заледенелым
неба голубую акварель
разбавляет, чтобы не темнела.

3

А потом в тебе воскресает мак,
лебеда, кипрей, золотая рожь,
ты не веришь снам, говорящим:
– Так

будет раз за разом покуда ждёшь,
что наступит срок и вода возьмёт
все грехи людские и даже твой...
Авраам, Иаков, Ревекка, Лот,
Исаак, Иона, страдалец Ной.

Переходит голос границу вброд,
проникает сквозь звуковой барьер;
и тогда из горла Его течёт
вперемешку с жизнью густая смерть.